

ВОЙНА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

В обширной историографии Великой Отечественной войны проблема влияния военного времени на образовательный уровень населения до сих пор не нашла достаточного отражения. Сложившаяся историографическая ситуация во многом обусловлена состоянием источниковой базы. Материалы текущего учета важнейших показателей хозяйства освобожденных районов по состоянию на 1 апреля 1943 г. не содержат необходимой информации, как и данные первой послевоенной Всесоюзной переписи населения (1959 г.), проведенной спустя 14 лет после окончания войны. По имеющимся статистическим показателям невозможно определить, сколько учащихся было эвакуировано, сколько осталось в оккупации, и какова была доля детей и подростков, дождавшихся освобождения.

Война прервала процесс развития отечественной общеобразовательной школы. В предвоенные годы ее главной задачей, которую предполагалось решить в 1943/44 учебном году, было введение всеобщего среднего образования в городах и всеобщего 7-летнего образования в сельской местности. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в общеобразовательных школах страны обучались 20 019 269 учащихся, в том числе в 1–4 классах начальной школы – 13 598 803 (67.9%) в 5–7 классах – 5 589 339 (27.9%), среднее образование получали 831 127 (4.2%) человек. В целом в различных типах школ и профессиональных учебных заведениях обучались 216.4 человека на 1 тыс. жителей¹.

Во время войны школьные здания передавались под промышленные предприятия, эвакогоспитали и для размещения эвакуированного населения. Сотни тысяч детей, находившихся в тыловых районах страны, вынуждены были заменить взрослых в промышленности и сельском хозяйстве. Война отняла у этих детей детство, многих навсегда лишила и возможности получить образование. Так, житель Волгоградской обл. И.Ш. Цирин вспоминал: «В 1941 г. я пошел учиться в пятый класс сельской школы. Занятия продолжались всего несколько дней, а затем начались работы. Дети веяли зерно в амбарах, перебирали картошку в овощехранилищах, а с весны начались работы на колхозных полях. В школу они так и не вышли»². В 13 лет мальчика и его сверстников мобилизовали на работу на завод, где он оказался среди таких же мальчишек. В основном это были эвакуированные и дети, лишившиеся родственников. Большинство из них имели образование в объеме 4–5 классов³.

Работа, которую выполняли дети и подростки, была чрезвычайно тяжела даже для взрослого организма, подтачивала и изнашивала силы. Никто не сказал об этом лучше, чем сами маленькие труженики. Вот строки из письма к родным Тани Романовой, ученицы Куйбышевского ремесленного училища № 24: «Трудно мне сейчас, работаю по 10 часов на заводе автоматчицей. Здесь все так дорого, что купить ничего нельзя. Заработную плату нам не дают, говорят, что вы находитесь в ремесленном училище. Бараки плохие, клопы, грязь, очень сыро, на завод ходим шесть километров. Спаси мою жизнь молодую. Нас было 580 человек, а осталось 120. Все сбежали»⁴. Настоящим криком души представляется письмо Вани Клавдиева своим родственникам в деревню: «Если вы меня не выручите, то тогда вы меня больше не дождетесь. Все равно я свою жизнь подорву, мне лучше умереть как-либо, но голодная смерть хуже всего. Разве я не хочу еще жить?»⁵. Из более чем 100 авторов воспоминаний, включенных в сборник «Война и дети», только 2 юных труженика тыла смогли продолжить свое образование⁶. Как об-

* Репинецкий Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор Поволжского филиала Института российской истории РАН (Самара).

разно выразилась М.З. Ханеева, начавшая трудиться после окончания 4 класса, «тропа, которая каждый день приводила меня в школу, заросла навсегда»⁷.

Изнуряющая работа на производстве и в сельском хозяйстве, отсутствие необходимой одежды и обуви, полуголодное существование, постоянная боль от утрат и боязнь за ушедших на фронт близких стали причинами отсева учащихся из школ. Так, в 1941/42 учебном году в Новосибирской обл. не обучались 24 тыс. детей, а в первом полугодии следующего учебного года выбыли еще 50 тыс. учащихся; из школ Пензенской обл. – 54 тыс. человек, Тамбовской – 34 тыс. Подобные сводки поступали из всех регионов страны. Всего в первом военном году школы страны потеряли до 25% учащихся⁸.

Руководство СССР требовало от партийных и советских органов власти принять меры к полному вовлечению всех детей от 7 до 16 лет в общеобразовательные школы или отдельные классы для переростков, не допуская впредь отсева детей из школ до завершения ими 7-летнего образования. 30 июля 1942 г. СНК СССР принял постановление «О вовлечении в школы всех детей школьного возраста и использовании школьных зданий по назначению»⁹. Правительство поставило перед местными органами задачу освободить к 20 августа 1943 г. все здания школ. Однако школы, используемые под госпитали и эвакуированные предприятия, в этот список не попали и продолжали использоваться не по назначению и после окончания войны. В 1943 г. СНК РСФСР утвердил инструкцию об организации учета детей и подростков от 8 до 15 лет и порядке контроля о выполнении закона о всеобщем обязательном обучении¹⁰.

Улучшение ситуации на фронтах Великой Отечественной войны, освобождение оккупированных территорий позволили приступить к организации обучения подростков, работавших на производстве. Постановление СНК СССР «Об обучении подростков, работающих на предприятиях»¹¹ от 15 июля 1943 г. требовало от местных властей организовать для них сеть общеобразовательных школ. Руководителям промышленных наркоматов и директорам предприятий вменялось в обязанность обеспечить школы рабочей молодежи помещениями, оборудованием, отоплением, освещением. Вместе с органами народного образования необходимо было создать условия для посещения подростками учебных заведений.

Эти указания, безусловно, выполнялись, но не могли быть реализованы в полной мере и за короткий срок. Многие маленькие труженики физически не были в состоянии посещать школу. Приведу отрывок из воспоминаний дважды Героя Советского Союза генерала авиации В.И. Попкова: «Помню, прибыл на завод получать новый самолет. У проходной женщина. Просит: «Найдите в цеху сына, третий день нет дома». Захожу в цех, у станка пацаненок на ящике, весь мокрый, рядом ведро с водой. Мастер пояснил: «Я его систематически поливаю, чтобы не заснул»»¹². До занятий ли было этому безвестному мальчишке, отдававшему все свои силы Победе.

Еще более трагическая ситуация с обучением детей и подростков сложилась на оккупированных территориях. Там занятия в школах прекращались – «низшей расе» полагалось только начальное образование: «Для не немецкого населения восточных областей не должно быть высшей школы. Для него достаточно четырехлетней народной школы. Целью обучения должно быть только: простой счет... умение расписываться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам»¹³. На деле же и эти так называемые народные школы не работали. Оккупационные власти не считали нужным открывать подобные школы для «плебел», да и учиться в них было некому. Трудовая повинность распространялась на детей, начиная с 10-летнего возраста¹⁴.

После освобождения оккупированных территорий перед местными властями стояла проблема организации обучения детей и подростков. При отступлении фашисты наряду с объектами промышленности в первую очередь разрушали здания, где размещались учебные заведения. В сообщениях Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на территории СССР говорилось об уничтожении объектов народного просвещения. Например, в Смоленске «немецко-фашистские захватчики разруши-

ли почти все учебные заведения. Они сожгли здания педагогического, стоматологического и сельскохозяйственного институтов, разрушили финансовый, кооперативный, железнодорожный техникумы и электротехникум связи, сожгли и взорвали 22 школы, 8 детских садов, областную, центральную, детскую, городскую библиотеки... В этих библиотеках погибло 646 тыс. книг¹⁵. Помимо этого, из Смоленского стоматологического института были вывезены в Германию ценные научные издания, приборы и инструменты. В целом ущерб, нанесенный учебным заведениям Смоленска, был оценен в 74 млн руб.¹⁶ В Вязьме при отступлении из города враги взорвали все учебные заведения – 15 школ, учительский институт, две медицинские школы, городскую библиотеку, дом учителя. Даже в небольших сельских населенных пунктах фашисты обязательно уничтожали школьные здания¹⁷. Всего на оккупированной фашистами территории РСФСР были уничтожены 20 тыс. школ из 30 тыс., функционировавших до войны¹⁸, 25 тыс. полностью лишились библиотек, а книжный фонд уменьшился с 39 млн экземпляров в 1940 г. до 13 млн к концу войны¹⁹.

Сократилась численность учащихся: в 5–7 классах – в 2 раза, в старших классах – в 2,5²⁰. В численном выражении количество учащихся за первые годы войны уменьшилось с 20 229 тыс. до 10 320 тыс. человек. В целом по РСФСР количество дневных 7-летних и средних общеобразовательных школ сократилось на 27%: с 113 880 в 1940/41 учебном году до 83 020 в 1942/43²¹. Только через 5 лет после окончания Великой Отечественной войны в районах, подвергшихся немецко-фашистской оккупации, число школ и учащихся в них достигло довоенного уровня (в ряде мест этого так и не произошло). Так, в Воронежской обл. в 1940/41 учебном году работала 2 061 школа, в 1950/51 учебном году их количество увеличилось до 2 082, в то же время численность учащихся составила 81,4% от довоенного уровня²². В Волгоградской обл. в 1950/51 учебном году количество школ составляло 81,7%, а контингент учащихся в них – 77,4% от довоенного уровня²³.

Серьезной проблемой стало возвращение к занятиям репатриированных детей и подростков. По решению германских властей, трудовой мобилизации в Германию подвергалась молодежь, начиная с 15-летнего возраста, и перед оккупационной администрацией была поставлена задача их особой регистрации и учета²⁴. Однако в виду сложностей с выполнением планов угона населения в Германию они стали выполняться за счет подростков – мобилизации подвергались лица, начиная с 13 лет. Для выполнения своих планов оккупационные власти устраивали облавы на местное население, где женщин хватали вместе с детьми. Фактически в Германию на каторжные работы угонялись дети самых разных возрастов. Десятки тысяч детей оказались узниками концентрационных лагерей.

По подсчетам А.А. Шевякова, с оккупированной территории на каторжные работы в фашистскую Германию были угнаны 5 623 тыс. человек, возвратились на родину после освобождения 3 438 тыс.²⁵ К сожалению, имеющиеся материалы не дают возможности вычленить из этого списка детей и подростков. Известно, что из числа угнанных в Германию и возвратившихся в СССР по прежнему месту жительства были отправлены 3 246 тыс. человек²⁶. По оценке немецкого историка Н. Мюллера, среди них дети и подростки составляли немногим менее трети²⁷, следовательно, из немецкого плена их вернулось на родину около 1 млн человек. Кроме того, на оккупированной территории стало значительно меньше учителей. Если в целом численность населения оккупированных районов сократилась на 37%, то учителей – на 47%²⁸. Правительство принимало срочные меры для исправления ситуации (в декабре 1943 г. было принято постановление об ускоренной подготовке учителей по заочной форме обучения²⁹), однако быстро ликвидировать острый дефицит педагогических кадров оказалось невозможно.

Более острой проблемой стала психологическая адаптация детей и подростков. Экстремальные условия существования (постоянное столкновение с насилием и смертью, страх за свою жизнь и жизнь близких, выживание в условиях голода) крайне негативно повлияли на их психику. На оккупированной территории повсеместно действовали публичные дома для солдат и офицеров немецкой армии. Официально в них

отбирались девушки и подростки 14–25 лет. Помимо сексуального насилия они подвергались изощренным издевательствам и постоянным унижениям³⁰. После изгнания оккупантов эти несчастные зачастую сталкивались не с пониманием и сочувствием, а с презрением и осуждением. При отсутствии профессиональных психологов и методик работы с такими детьми проблемы психологической адаптации решались с большим трудом. Кроме того, дети младшего школьного возраста, вернувшиеся из многолетнего немецкого плена, как правило, плохо знали русский язык, что затрудняло их обучение. В отечественной историографии эти сюжеты практически не освещались³¹.

В послевоенные годы были отодвинуты на второй план проблемы, связанные с ликвидацией неграмотности населения. В 1954 г. в сельских поселениях насчитывалось 1 819 тыс. человек в возрасте от 8 до 49 лет полностью неграмотных. Выборочная перепись населения, проведенная ЦСУ СССР в 1957 г., показала, что из 735.9 тыс. человек городского населения старше 9 лет 49.7 тыс. (6.8%) назвали себя полностью неграмотными. Наиболее высоким как в городе, так и в деревне было число неграмотных женщин³².

В развернутом Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О ликвидации неграмотности среди населения»³³ (принято 4 января 1958 г.) отмечалось, что в некоторых районах страны в связи с неудовлетворительным осуществлением обязательного обучения детей все еще имелось значительное число неграмотных и малограмотных. Считая такое положение совершенно нетерпимым, ЦК КПСС и Совет Министров СССР обязали партийные и советские органы союзных республик завершить работу по полной ликвидации неграмотности среди населения до начала Всесоюзной переписи 1959 г. К концу 1958 г. в стране были учтены 1 287 тыс. неграмотных в возрасте 16–50 лет³⁴, из которых обучались 1 200 тыс. (93%). В числе неграмотных по-прежнему оставалась высокой доля лиц молодого возраста. Так, среди окончивших курс обучения допризывники составляли 9.2 тыс. человек, продолжали обучение в школах и группах по ликвидации неграмотности – 2.5 тыс.³⁵ Решить проблему ликвидации неграмотности среди взрослого населения полностью не удалось. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. показали, что неграмотными оставались 1.5% населения страны³⁶. Кроме того, данные переписи засвидетельствовали снижение образовательного уровня населения в тех возрастных категориях, чья юность пришлось на годы Великой Отечественной войны (см. табл. 1).

Таблица 1

Уровень образования населения РСФСР в 1959 г. (человек на 1 тыс. жителей)*

Возраст (лет)	Высшее законченное образование	Незаконченное высшее и среднее образование, включая неполное среднее	Начальное и незаконченное 7-летнее образование
Всего в возрасте 10 лет и старше	24	337	325
10–19	0	377	388
20–24	14	634	309
25–29	45	375	481
30–34	39	465	415
35–39	51	469	334
40–44	35	289	323
45–49	29	161	261
50–54	30	132	238
55–59	27	108	193
60–64	21	83	171
65–69	14	59	147
70 и старше	7	34	91

* Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 102–103.

Война негативно повлияла на образовательный уровень людей, которым к началу Великой Отечественной войны было 22–26 лет. Они подлежали первоочередной мобилизации и на их долю выпали все испытания начального этапа войны. По переписи 1950 г. эту группу (40–44 г.) характеризует значительно меньший удельный вес лиц, имевших среднее (полное и неполное) и высшее образование. По сравнению с показателями возрастной группы 35–39 лет доля лиц со средним образованием была меньше в 1.6 раза (соответственно 469 и 289 человек на 1 тыс. жителей), а с высшим образованием – в 1.4 раза (35 и 29 человек).

Следует отметить, что в послевоенные годы руководство страны уделяло особое внимание развитию вечернего образования. Основной контингент учащихся школ рабочей молодежи (ШРМ) обучался в 5–7 классах. В 1945/46 учебном году на их долю приходилось 52.3% учащихся в ШРМ, в 1950/51 учебном году – 53%³⁷. Большую их часть составляли демобилизованные воины и другие лица, прервавшие свое образование в годы войны. Но даже усиленное повышение образовательного уровня населения через систему вечернего образования не смогло скрыть резкого снижения его образовательного уровня, произошедшего в годы Великой Отечественной войны.

Несколько иной представлена картина состояния образовательного уровня для возраста 35–39 лет (в начале войны 17–21 год). На этих людей также выпали все тяготы военного времени. Однако несмотря на это, удельный вес лиц со средним (полным и неполным) и высшим образованием в этой возрастной группе оказался высоким – 469 человек на 1 тыс. жителей со средним и 51 – с высшим образованием. Они были еще молоды, когда закончилась война, причем многие из них успели окончить школу и стремились получить высшее образование. Фронтовикам тогда предоставлялись большие льготы при поступлении в вузы. Очевидцы тех лет вспоминают, что студенческие аудитории были заполнены молодыми людьми в военной форме. Эти послевоенные курсы получили особое название – «гвардейские».

Лицам, входившим в возрастную группу 30–34 лет, на момент окончания войны было 16–20 лет. Немногие из них успели повоевать, их фронт был на производстве. Обращает внимание высокий удельный вес лиц с начальным образованием, больший, чем в возрастной группе 35–39 лет. Вместе с тем среди людей данного возраста был высок удельный вес лиц со средним (полным и неполным) и высшим образованием (соответственно 465 и 39 человек на 1 тыс. населения). Возрастная группа 25–29 лет – дети войны. В год ее окончания им исполнилось 11–15 лет. Они не воевали на фронте, но пережили все тяготы военного лихолетья. Казалось бы, мирное время открывало перед ними все возможности для получения образования, однако в этой возрастной группе неестественно велик удельный вес лиц только с начальным образованием – 481 человек на 1 тыс. жителей, т.е. почти половина лиц, находившихся в военные годы в школьном возрасте, не смогли получить образование выше начального. Причины этого видятся в том, что многие дети бросили обучение в годы войны и не захотели или не смогли его продолжить рядом со школьниками младшего возраста. Многие подростки в трудные послевоенные годы продолжали оставаться кормильцами в своих семьях.

Материалы табл. 2 показывают, что резкое уменьшение удельного веса лиц, имевших среднее (полное и неполное) образование, просматривается, начиная с 40–49 лет. В войну эта возрастная группа ступила в возрасте 22–31 года. Удельный вес лиц, имевших данный уровень образования, по сравнению с последующей возрастной группой (30–39 лет) уменьшился в 2 раза (с 467 до 255 человек на 1 тыс. жителей). Особенно значительная разница в уровне образования между этими возрастными группами наблюдалась у женщин: доля женщин, имевших среднее (полное и неполное) образование в возрасте 30–39 лет, в 2.6 раза была выше соответствующего показателя в возрастной группе 40–49 лет: 466 и 174 человека на 1 тыс. жителей. В то же время подобная разница в уровнях образования у мужского населения значительно ниже (1.5 раза). Такая ситуация объяснялась тем, что многие мужчины после демобилизации продол-

**Лица, имевшие среднее (включая неполное) образование в 1959 г.
(человек на 1 тыс. жителей)***

Возраст (лет)	Мужчины	Женщины
10–19	334	421
20–29	456	553
30–39	472	466
40–49	308	174
50–54	186	117
55–59	162	101
60 и старше	88	61
Итого	355	323

* Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 102–103.

жили свое образование через систему вечернего и заочного обучения, а девушки, ушедшие на производство во время войны, после ее окончания так и не смогли продолжить учебу.

Примечания

¹ Всероссийская перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия. М., 1999. С. 137.

² Война и дети. 1941–1945. Самара, 2005. С. 29.

³ Там же. С. 32.

⁴ Молько В. «Спаси мою жизнь молодую...» // Волжская коммуна. 1993. 30 января.

⁵ Там же.

⁶ См.: Война и дети. 1941–1945.

⁷ Там же. С. 70.

⁸ Черник С.А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1984. С. 74–75.

⁹ Сборник руководящих и инструктивных материалов по всеобщему обучению детей. М., 1944. С. 12.

¹⁰ Там же. С. 62–65.

¹¹ Там же. С. 13.

¹² Правда. 1993. 9 мая.

¹³ Генеральный план «Ост». Публикация документов // Военно-исторический журнал. 1960. № 1. С. 88.

¹⁴ Немецко-фашистский оккупационный режим. М., 1965. С. 199.

¹⁵ Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного им ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, о разрушении города Смоленска и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками над советскими гражданами. М., 1943. С. 3.

¹⁶ Там же. С. 5.

¹⁷ Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городах Вязьме, Гжатске и Сычевке Смоленской области и в городе Ржеве Калининской области. М., 1943. С. 13–16.

¹⁸ Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1964. С. 444.

¹⁹ Черник С.А. Указ. соч. С. 38.

²⁰ Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 794.

²¹ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны. Статистический сборник. М., 1990. С. 207, 208.

²² Рассчитано по: Народное хозяйство Воронежской области. Статистический сборник. Воронеж, 1957. С. 107–108.

²³ Рассчитано по: Народное хозяйство Волгоградской области. Статистический сборник. Саратов, 1962. С. 245–247.

²⁴ Мюллер Н. Вермахт и оккупация. (1941–1944). М., 1974. С. 217, 225.

²⁵ Шевяков А.А. Гитлеровский геноцид и репатриации советского населения // Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995. С. 180.

²⁶ Там же.

²⁷ Мюллер Н. Указ. соч. С. 227.

²⁸ Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 166.

²⁹ О мероприятиях по укреплению заочного педагогического образования. Постановление СНК СССР. 18 декабря 1943 г. // Народное образование в СССР. Сборник документов. М, 1974. С. 436–437.

³⁰ Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 302.

³¹ Храмкова Е.Л. Культура России периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историографические очерки. Самара, 2001. С. 24–45.

³² РГАЭ, ф. 1562, оп. 33, д. 3671, л. 1.

³³ Там же.

³⁴ Там же, л. 201.

³⁵ Там же, л. 201–202.

³⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 143.

³⁷ ГА РФ, ф. А-374, оп. 32, д. 2790, л. 37–39.

© 2010 г. В. А. ИСУПОВ*

НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: численность, состав, воспроизводство

Согласно административно-территориальному устройству 1941 г., Западная Сибирь охватывала Алтайский край (включая Ойротскую автономную обл.), Новосибирскую и Омскую области. В январе 1943 г. из состава Новосибирской обл. выделили Кемеровскую обл., в августе 1944 г. часть территории Новосибирской обл. преобразовали в Томскую обл. Тогда же из частей Омской и Курганской областей была создана Тюменская обл. При подготовке статьи использованы главным образом статистические материалы, в первую очередь данные текущего учета смертности, рождаемости и брачности, хранящиеся в центральных и периферийных архивах России. В Алтайском крае крайне значимые для нашего исследования статистические документы военных лет до сих пор не переданы в государственное архивохранилище. В этой связи для работы над статьей привлечены материалы Текущего архива Государственного комитета по статистике Алтайского края. Поскольку эти документы не обработаны – отсутствуют номера дел и листов, ссылки вынужденно даются по упрощенной форме – ТА ГКС АК.

Великая Отечественная война кардинально изменила условия демографического развития страны. Для военных лет характерно расстройство всех механизмов, регулирующих динамику демографической подсистемы общества. И если в предшествовавший войне период воздействие причин и факторов пертурбационного характера на динамику населения России было очень сильным, то в 1941–1945 гг. они доминировали. Такая ситуация немедленно сказалась на численности населения.

---

* Исупов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН.